

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.3.4>

УДК 821'276.6:82-1

ББК 83.011.7

АНИМАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ПОЭЗИИ В. МАЯКОВСКОГО И Д. АРБЕНИНОЙ

Воробьева Светлана Юрьевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики
Волгоградского государственного университета
svewor@yandex.ru, stilvolsu@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Герман Дмитрий Сергеевич

Аспирант кафедры литературы и журналистики
Волгоградского государственного университета
stilvolsu@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты исследования лингвопоэтических «скреп», существование которых подтверждает типологическую общность фактов литературного процесса начала и конца XX века. Материалом для анализа послужили поэтические произведения В. Маяковского и Д. Арбениной.

Наиболее частотны для обоих авторов анималистические метафоры, создающие в поэтических произведениях особый модус, отражающий взаимодействие сатирически-инвективного восприятия внешнего мира и самоиронию. Специфика анималистической метафоры в произведениях В. Маяковского и Д. Арбениной состоит в том, что оба автора находят оригинальные способы реализации метафорической образности, не поддающиеся однозначной расшифровке. Эта особенность когнитивной метафоризации делает читателя участником активного диалога с автором, заставляя его для выяснения оснований заявленного в тексте метафорического переноса актуализировать свои фоновые знания. Разновидностью анималистической метафоры, которую активно используют Маяковский и Арбенина, является также автометафора, функция которой заключается в метафоризации образа лирического героя.

Разнообразие форм и функций метафорического переноса при их глубинной структурной общности, наблюдаемое в текстах обоих поэтов, позволяет сделать вывод о типологической близости приемов их творческой рефлексии, обусловленной как внешними факторами (сходством кризисных, переходных эпох), так и внутренними (генетическим родством и преемственностью).

Ключевые слова: автометафора, когнитивная метафора, литературная традиция, мифологизм, рок-поэзия.

Русская рок-культура рубежа XX–XXI вв. в последние десятилетия все чаще становится предметом филологического осмысления, поскольку «аксиологический подход к фактам

современной словесности предполагает выявление специфических изменений характера онтологической проблематики» [2, с. 31]. Вследствие этого в отечественной филологии фор-

мируется новое исследовательское поле, важный сегмент которого – установление связей между лингвопоэтикой рок-текстов и литературной традицией. В этом контексте исследователями не раз упоминается имя В.В. Маяковского [6; 10; 12], тем более что некоторые из рок-поэтов говорят о его непосредственном влиянии на свое творчество.

Так, лидер рок-группы «Ночные снайперы» Диана Арбенина отмечает, что еще в школьные годы на становление ее поэтического «я» большое влияние оказали произведения В. Маяковского. В силу этого представляется актуальным сопоставить художественные приемы в творчестве этих двух авторов с целью обнаружения сходства их лингвопоэтических систем и наметить тем самым точки типологического единства отдаленных в историческом плане литературных эпох.

Арбенина, как и Маяковский, уделяет особое внимание формальному аспекту стихотворения, ломая строки и ритм, используя только строчные буквы, из знаков препинания лишь точки, двоеточия и тире, что, по словам О.Д. Федоровой, «дает читателю возможность самому расставить необходимые акценты и смыслы, отчасти как бы делая реципиента со-автором, в чем тоже заметна декларируемая свобода творческой позиции Арбениной» [15, с. 234], а также разделяя свои тексты на «песни» и «антипесни» – «стихотворные произведения, остающиеся на бумаге и не переходящие в статус “текстов песен”» [7, с. 4]. О непосредственном пересечении идиостилевых приемов Арбениной с традицией Маяковского-формалиста пишет, в частности, М.Л. Гаспаров, указывая на такой прием, как паронимия, когда «слова подбираются по аллитерациям, их звуковое сходство как бы подчеркивает или подсказывает их смысловую связь в данном контексте» [4, с. 390].

Важным приемом, указывающим на очевидную общность идиостилей Маяковского и Арбениной, является метафора, так как именно метафорический перенос особенно репрезентативен для их лирического сознания, поскольку, рефлексируя над миром, они метафорически оценивают не только окружающую их реальность, но и самих себя.

Основным приемом создания образности у Маяковского, по наблюдению Н.А. Тура-

ниной, становится анималистическая метафора [14, с. 50], которая, согласно семантической классификации метафор В.П. Москвина, основана на сравнении чего-, кого-либо с животным [13, с. 113]. В творчестве рок-поэтессы Дианы Арбениной парадигма метафорических образов широко представлена именно анималистическими метафорами. Сравним следующие примеры.

В. Маяковский¹: *а сквозь меня на лунном сельде скакала крашенная буква («Уличное», 1913); На чешуе жестяной рыбы прочел я зовы новых губ («А вы могли бы?», 1913); сырой погонщик гнал устало Невы двугорбого верблюда («Кое-что про Петербург», 1913); тысячью поцелуев покрою умную морду трамвая («Надоело», 1916).*

Д. Арбенина²: *странно что в перспективе окна площади рыбная величина четко ложится на ребра усталого гриля. и не моги запретить ей дышать жабрами. и не дай бог помешать хвосту с головой заниматься нетленной любовью («странно», 2006); и кошачьих фар скользенье осветит и промелькнет («до востребования», 1998).*

Приведенные примеры свидетельствуют об общей для двух поэтов направленности метафорического переноса, которая состоит в активном моделировании пространства, окружающего лирического героя, с помощью приемов «зоообразности», что свидетельствует о формировании в стихах поэтов, разделенных десятилетиями, особого модуса, совмещающего сатирически-инвективное отношение к внешнему миру и самоиронию.

Возможно, в силу этого метафорический перенос зачастую осуществляется Маяковским на основе неожиданного эпатурирующего сходства внешнего облика животного и описываемых поэтом явлений, например: *киты батарей («Не юбилейте!», 1926)* или *вьется улица-змея («Хорошо!», 1927)*. Маяковский намеренно использует образ животного при характеристике улицы: с одной стороны, показывая ее изгибы и повороты, а с другой – определяя свое отношение к действительности через ассоциацию «змея есть смерть», следовательно, «улица-змея» так же опасна.

Дж. Лакофф, основатель когнитивной лингвистики, неслучайно отметил, что процессы человеческого мышления во многом

метафоричны [8, с. 27]. Действительно, подобные семантически сложные образы дают возможность говорить о когнитивных метафорах, благодаря которым, по словам Э. МакКормака, «мы углубляем наши представления о мире и создаем новые гипотезы» [9, с. 360]. Стихи Маяковского и Арбениной объединены общей поэтической гипотезой, заключающейся, на наш взгляд, в понимании мира как единого живого начала, структура которого абсолютно адекватна структуре нашего сознания, поэтому даже максимальное усложнение иносказания не может быть препятствием для его понимания теми, кто принял это единство. Такое видение мира восходит к древним мифологическим системам, повсеместное возрождение которых наблюдается в искусстве модернизма. По словам Е.М. Мелетинского, мифологизм, будучи явлением модернистского искусства, «во многом порожден осознанием кризиса цивилизации в целом» [11, с. 9]. Эти процессы неизбежно вели творческую личность к разочарованию в современности и, следовательно, к повторной «ремифологизации» сознания в культуре XX в. [там же, с. 8–10], актуализации мифологического синкретизма, когда между человеком и природой (а в нашем случае и городом как новым, искусственно созданным миром) стираются границы и познание сводится к интуитивному эмпатическому постижению мира через метафору.

На современном этапе изучения метафоры теория ее когнитивной сущности является приоритетной, поскольку «в основе метафоризации лежит расплывчатость понятий, которыми оперирует человек, отражая в своем сознании вечно изменяющуюся многообразную внеязыковую деятельность» [3, с. 481]. Пример использования Маяковским когнитивной метафоры находим в стихотворении «Театры» (1913):

*а с прилетавших рвали шубы
два огневые фокстерьера.*

Сложный для дешифровки образ распознается через ряд логических предположений: если фокстерьер, – охотничья собака, а место действия обозначено в заглавии произведения, то единственный, кто может «срывать шубы» – гардеробщик, представленный в сти-

хотворении как человек, имеющий резкий характер, на что указывает глагольная лексема *рвали* и эпитет *огневые* – типичная черта темперамента фокстерьера.

Анималистическая метафора в произведениях обоих авторов имеет когнитивный характер, когда лирические герои подвергаются метафорической трансформации не только мир вокруг, но и себя, а также других людей. Так, у Маяковского прослеживается устойчивая связь между животными-паразитами и негативными явлениями и персонажами: *обывательская моль* («Потрясающие факты», 1919), *национальный трутень* («Хорошо!», 1927) и др. Приведенные словосочетания являются своего рода фразеологическими единицами, так как когнитивная метафора, по справедливому замечанию И.А. Илюхиной, «эффективный инструмент фразеологической объективации новых денотативных ситуаций» [5, с. 139]. Компоненты, образующие данные единицы, обнаруживают изменение частеречной семантики. Так, значение словосочетания *обывательская моль* формируется в результате следующей когнитивной трансформации: прилагательное, как правило, называющее признак предмета, в составе рассматриваемой фразеологической единицы обозначает предмет, а признак – «причиняющий вред имуществу» – назван существительным *моль*. Следовательно, обыватель у Маяковского – это вредитель, который, как моль, уничтожает все на своем пути.

Принимая во внимание мифологизм художественной картины мира Маяковского, мы можем рассматривать подобные словосочетания и как способ когнитивного разрушения / реализации фразеологизма, когда он, теряя свою иносказательную сущность, начинает восприниматься буквально: *национальный трутень* не человек-бездельник, а насекомое-бездельник, заполонившее страну. Яркий пример разрушения фразеологизма представлен в стихотворении «Нате!»: *толпа озверевет, будет тереться / оцетинит ножки столглавая вошь* («Нате!», 1913). В пределах одной строки названы сопоставляемые объекты – *толпа* и *вошь*; глагол *озверевет* указывает не на психологическое состояние людей (*озвереть* – «стать жестоким, беспощадным»), а на изменение их качества, физиоло-

гической сущности (*озвереть* – «превратиться в животное»).

Изображение негативных явлений реальности при помощи образов животных у Маяковского и Арбениной реализуется по одному алгоритму:

В. Маяковский: *Я раньше думал – книги делаются так: пришел поэт, легко разжал уста, и сразу запел вдохновенный простак пожалуйста! А оказывается – прежде чем начнет петься, долго ходят, размозолев от брожения тихо барахтаются в тине сердца глупая вобла воображения* («Облако в штанах», 1914–1915).

Д. Арбенина: *из поганого рта из луженых широт вылетают не то чтобы просто слова а гадюки из букв* («опасное лето», 2005).

У Арбениной: «грубые слова» – «ядовитые слова» – *гадюки из букв*; у Маяковского: описание бездарности многих поэтов эксплицируется через ряд когнитивных операций. Прецедентный текст «нем как рыба» модифицируется Маяковским через замещение лексемы *рыба* лексемой *вобла*, более конкретной и вместе с тем лексически сниженной, что подчеркивается прилагательным *глупая*. Тем самым создается парадоксальная ситуация: поэт, традиционно являющийся мастером слова, у Маяковского творчески не продуктивен.

Прибегая к приемам анималистической образности в процессе репрезентации сознания лирического героя, исследуемые авторы используют преимущественно форму творительного сравнения, которая, согласно М.Л. Гаспарову, и является «не чем иным, как раскрытой, двучленной метафорой» [4, с. 379]. Сравним примеры.

В. Маяковский: *Я волком бы выгрыз бюрократизм* («Стихи о советском паспорте», 1929); *И вдруг я ревность метну в ложи мрущим глазом быка* («Флейта-позвоночник», 1915).

Д. Арбенина: *если спасать позовешь – зайцем брошусь в поля* («амбразура», 2006); *и тело мое птицей таяло в ветре и в море растаяло скоро* («эмигрантское», 2006); *я мягким тигром сторожу тебя в окне* («31-ая весна», 2000).

Идентификация лирического героя как животного у обоих авторов постоянна на протяжении всего текста, что позволяет автору

«выделить то главное свойство или состояние, которое отвечает его (автора) природе» [1, с. 29]. Подобные образы-характеристики лирического героя Н.Д. Арутюнова называет автометафорами, суть которых обусловлена «метафорической самоидентификацией поэта, проливающей некоторый свет на психологию творчества» [там же].

Манифестация лирическим героем своей животной ипостаси, осуществленная в последнем предложении стихотворения Арбениной «юго2» (2004): *мы звери*, близка по своему пафосу фразе Маяковского в инвективе «Ко всему!»: *затравленным зверем над миром выстою*. Обнаруженное сходство в использовании выразительных средств позволяет предположить, что Арбенина, по-видимому, находится в русле традиции представления лирического героя в образе животного, заданной Маяковским. Подобная стилизация обнаруживается, например, в антипесне «посвящается английским борзым» (1994), вызывающей устойчивые ассоциации со стихотворением В. Маяковского «Вот так я сделался собакой» (1915):

В. Маяковский: *как собака лицо луны гололобой – взял бы все обвыл. <...> а у меня из-под губы – клык. <...> у меня из-под пиджака развеерился хвостиче <...> я стал на четвереньки залаял: Гав! гав! гав!* («Вот так я сделался собакой», 1915).

Д. Арбенина: *ты с видом побитой собаки по улице бешено мчалась. задевала прохожих искусанными ушами. головою упрямой мотала отчаянно-звонко и саднящие раны лизать на ходу успевала. <...> и ты неожиданно больно прокусила мне руку когда я пытался погладить* («посвящается английским борзым», 1994).

В этих произведениях предлагается реминисценция на пословицу *зол как собака*, причем оба автора лишают это изречение инносказательного смысла, уподобляя внешнее состояние героя внутреннему.

Лирический герой Маяковского фиксирует свое превращение в животное постепенно: будучи искусанным злобой, он сначала теряет способность к говорению, а затем уже и свою человеческую сущность.

Собака-девушка Арбениной возникает перед глазами лирического героя уже оборот-

нем, но также демонстрирует свою сущность не сразу. В начале стихотворного произведения лирический герой Арбениной отмечает только сходство персонажа с собакой (*ты / с видом побитой собаки*), обнаруживая хаотичность поведения героини (*бешено мчалась, голову упрямой мотала отчаянно звонко*), но уже в последующих строках это сходство представлено как всеобъемлющее (*саднящие раны лизать на ходу успевала*). Герой перестает видеть перед собой человека, что подчеркивается выбором глагольной лексемы *поглядить*, а не *приласкать*, *пожалеть* – более уместные для выражения вежливого участия при обращении к людям.

Итак, при использовании метафоры Д. Арбенина опирается на художественную традицию В. Маяковского, что заключается в преобладании анималистической метафоры в пространстве ее художественного текста, а также в поиске оригинальных оснований для сравнения, что рождает ситуацию когнитивной и автометафоры. Это связано, на наш взгляд, не только с общим характером эпох, репрезентированных в поэтическом слове, а, скорее, генетической близостью творчества обоих поэтов, их интенцией к крайней образной насыщенности стиха, поиском новых, подчас парадоксальных средств выражения смысла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Произведения В. Маяковского цит. по: Маяковский В. В. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Худож. лит., 1955–1961. Т. 1 / подгот. текста и прим. В. А. Катаняна. 1955. 464 с. ; т. 2 / подгот. текста и прим. Н. В. Реформатской. 1956. 520 с. ; т. 7 / подгот. текста и примеч. В. В. Кожина, И. Л. Робина, В. В. Тимофеевой ; ред. А. Февральский. 1957. 535 с. ; т. 8 / подгот. текста и примеч. В. А. Катаняна ; ред. Ф. Пицкель. 1957. 459 с. ; т. 10 / подгот. текста и примеч. С. А. Коваленко. 1958. 384 с.

² Произведения Д. Арбениной цит. по: Арбенина Д. Дезертир сна. М. : Астрель : АСТ, 2007. 272 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–33.

2. Воробьева, С. Ю. Речевая репрезентация внешнего и внутреннего мира современной женщины / С. Ю. Воробьева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2012. – № 1 (15). – С. 31–38.

3. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. – 768 с.

4. Гаспаров, М. Л. Владимир Маяковский / М. Л. Гаспаров // Очерки истории языка русской поэзии XX века : Опыт описания идиостилей. – М. : Наследие, 1995. – С. 363–395.

5. Илюхина, И. А. Метафора и фразеологические единицы / И. А. Илюхина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 1 (5). – С. 139–142.

6. Капрусова, М. Н. К вопросу о вариантах функционирования модернистской традиции в русской рок-поэзии / М. Н. Капрусова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Тверь : Изд-во ТвГУ, 2010. – Вып. 11. – С. 195–207.

7. Конторова, Ю. Предисловие / Ю. Конторова // Арбенина, Д. Дезертир сна / Д. Арбенина. – М. : Астрель, 2008. – С. 3–6.

8. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

9. МакКормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. МакКормак // Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М. : Прогресс, 1990. – С. 358–387.

10. Матвеева, Н. М. Поэзия В. Маяковского в современной рок-культуре: группы «Сансара» и «Сплин» / Н. М. Матвеева // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Тверь : Изд-во ТвГУ, 2010. – Вып. 11. – С. 189–195.

11. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М. : Вост. лит., 2000. – 407 с.

12. Михайлова, В. А. Формы актуализации авангардной парадигмы в творчестве Юрия Шевчука / В. А. Михайлова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Тверь : Изд-во ТвГУ, 2003. – Вып. 7. – С. 202–207.

13. Москвин, В. П. Русская метафора : Очерк семиотической теории / В. П. Москвин. – М. : ЛЕНАНД, 2006. – 184 с.

14. Туралина, Н. А. Анимистическая метафора в авторском художественном дискурсе / Н. А. Туралина // Вестник Тверского государственного педагогического университета. – 2008. – Вып. 2 (76). – С. 50–52.

15. Федорова, О. Д. «Дезертир сна» Дианы Арбениной как особое жанровое образование / О. Д. Федорова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Тверь : Изд-во ТвГУ, 2011. – Вып. 12. – С. 233–237.

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. Metafora i diskurs [Metaphor and Discourse]. Arutyunova N.D., ed. *Teoriya metafor* [Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 5-33.
2. Vorobyeva S.Yu. Rechevaya reprezentatsiya vneshnego i vnutrennego mira sovremennoy zhenshchiny [Speech Representation of Outer and Inner World of Modern Woman]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2012, no. 1 (15), pp. 31-38.
3. Gak V.G. *Yazykovye preobrazovaniya* [Language Transformations]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kultury" Publ., 1998. 768 p.
4. Gasparov M.L. Vladimir Mayakovskiy [Vladimir Mayakovsky]. *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka. Opyty opisaniya idiosstiley* [Essays on the History of Language of Russian Poetry of the 20th Century: Experience of Describing Individual Styles]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, pp. 363-395.
5. Ilyukhina I.A. Metafora i frazeologicheskie edinitzy [Metaphor and Phraseological Units]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2010, no. 1 (5), pp. 139-142.
6. Kaprusova M.N. K voprosu o variantakh funktsionirovaniya modernistskoy traditsii v russkoy rok-poezii [On Variants of Functioning of Modernist Tradition in Russian Rock Poetry]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian Rock Poetry: Text and Context]. Tver, Izd-vo TvGU, 2010, iss. 11, pp. 195-207.
7. Kontorova Yu. Predislovie [Preface]. Arbenina D. *Dezertir sna* [Deserter of Sleep]. Moscow, Astrel Publ., 2008, pp. 3-6.
8. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live by]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.
9. MakKormak E. Kognitivnaya teoriya metafor [Cognitive Theory of Metaphor]. *Teoriya metafor* [Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 358-387.
10. Matveeva N.M. Poeziya V. Mayakovskogo v sovremennoy rok-kulture: gruppy "Sansara" i "Splin" [Poetry of V. Mayakovsky in the Contemporary Rock Culture: "Sansara" and "Splin" Bands]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian Rock Poetry: Text and Context]. Tver, Izd-vo TvGU, 2010, iss. 11, pp. 189-195.
11. Meletinskiy E.M. *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2000. 407 p.
12. Mikhaylova V.A. Formy aktualizatsii avangardnoy paradigmy v tvorchestve Yuriya Shevchuka [Forms of Actualization of Avant-Garde Paradigm in the Works of Yury Shevchuk]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian Rock Poetry: Text and Context]. Tver, Izd-vo TvGU, 2003, iss. 7, pp. 202-207.
13. Moskvina V.P. *Russkaya metafora. Ocherk semioticheskoy teorii* [Russian Metaphor. Study of Semiotic Theory]. Moscow, LENAND Publ., 2006. 184 p.
14. Turanina N.A. Animisticheskaya metafora v avtorskom khudozhestvennom diskurse [Animistic Metaphor in Author's Artistic Discourse]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2008, iss. 2 (76), pp. 50-52.
15. Fedorova O.D. "Dezertir sna" Diany Arbeninoy kak osoboe zhanrovoe obrazovanie ["Deserter of sleep" by Diana Arbenina's as a Special Genre Formation]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian Rock Poetry: Text and Context]. Tver, Izd-vo TvGU, 2011, iss. 12, pp. 233-237.

ANIMALISTIC METAPHOR IN THE POETRY OF V. MAYAKOVSKY AND D. ARBENINA

Vorobyeva Svetlana Yuryevna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Literature and Journalism,
Volgograd State University
svewor@yandex.ru, stilvolstu@mail.ru
Prosp. Universitetskyy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

German Dmitriy Sergeevich

Postgraduate Student, Department of Literature and Journalism,
Volgograd State University
stilvolstu@mail.ru
Prosp. Universitetskyy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of the research on linguopoetic "ties", the existence of which proves the typological communion of literary process facts of the beginning

and the end of the 20th century. The analysis was carried out on the material of the poetry by V. Mayakovsky and D. Arbenina.

Animalistic metaphors which create a special mode in poetic works reflecting the interactions between satiric and convicting perception of outer world and self-irony, are the most frequently used by both writers.

The specificity of animalistic metaphor in works by V. Mayakovsky and D. Arbenina lies in the fact that both writers find original ways of realization of metaphorical imagery, often being difficult to decode. This peculiarity of cognitive metaphor makes reader a participant of animated dialogue with an author. At this, the reader applies their background knowledge to understand the metaphorical transfer used by the author. The other variation of animalistic metaphor used by Mayakovsky and Arbenina is an autometaphor; its function lies in the metaphorization of image of a lyrical hero.

Thus, the variety of forms and functions of metaphorical transfer observed in texts of both writers lets us draw the conclusion about typological similarity of the ways of their creative reflection. This reflection is conditioned not only by the external factors (similar crisis and transitional times) but also by the internal ones (genetic interrelation and succession).

Key words: autometaphor, cognitive metaphor, literary tradition, mythologism, rock poetry.